

ПРОШЛОЕ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94(4)"16"

ГРНТИ 03.61.21: Историческая антропология

М.Л. Шуб

Прошлое в структуре европейской картины мира XVII в.: между «золотым веком» и «мглой древности»*

В статье предпринята попытка осмысления специфики образа прошлого, сложившегося в европейской культуре XVII в. Его главной чертой стала противоречивость – сосуществование двух наиболее значимых векторов восприятия прошлого и интерпретации его роли в истории и современности. Первый вектор, наиболее востребованный в консервативной университетской среде, сообществах антиквариатов и коллекционеров, был ориентирован на прославление прошлого как «золотого века», как ориентира для актуального развития. Второй, поддерживаемый новоевропейскими учеными и мыслителями, трактовал прошлое как помеху на пути прогресса, как «мглу древности», препятствующую новациям и позитивным изменениям. Противоречивость такого восприятия прошлого была несколько нивелирована на рубеже XVII–XVIII вв. достижением относительного социального консенсуса, «позволившего» искусству (прежде всего, в рамках стиля классицизма и внестилевой линии) почитать и превозносить достижения минувших эпох, а науке – критически относиться к ним, пропагандируя идеи прогресса и ценности настоящего.

Ключевые слова: прошлое, образ прошлого, европейская культура XVII в.

Mariya L. Shub

The past in the structure of the XVII century European picture of the world: between "golden age" and "haze of antiquity"

The article is devoted to comprehension of the image of the past specifics that has developed in the European culture of the XVII century. Its main feature was its inconsistency – the coexistence of the two most significant vectors of perception of the past and interpretation of its role in history and modernity. The first vector, which is most in demand in the conservative university environment, antiquary and collector communities, was focused on glorifying the past as a "golden age", as a guideline for

© Шуб М.Л., 2020

© Shub Mariya L., 2020

* Ключевые положения исследования осуществлены в рамках программы грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих молодых российских ученых – докторов наук (Конкурс МД-2020), проект «Культура памяти индустриальных городов российской провинции: мемориальные стратегии региональной идентичности».

current development. The second, supported by modern European scientists and thinkers, interpreted the past as an obstacle on the path of progress, as the "haze of antiquity" that impedes innovation and positive change. The inconsistency of this perception of the past was somewhat leveled at the turn of the XVII–XVIII centuries by the achievement of a relative social consensus, which "allowed" art (primarily within the framework of the classicism style and outside the style line) to honor and extol the achievements of past eras, and science to critically treat them, promoting ideas of progress and values of the present.

Key words: past, image of the past, European culture of the XVII century.

В современной гуманитарной риторике феномен прошлого и осмысление его места в историко-культурной ретроспективе и актуальном пространстве занимают чрезвычайно важное место. С одной стороны, по мысли Г. Люббе, «необыкновенное внимание к артефактам прошлого и активное участие в ритуалах, организуемых вокруг них, объясняется тем, что усилиями исторического сознания компенсируется утрата чувства знакомого в культуре, утрата, обусловленная темпом изменений. Необходимость таких усилий увеличивается прямо пропорционально процессу модернизации» [1, с. 98]. П. Нора связывает все более актуализирующийся интерес к прошлому с кризисом идентичности и утратой коллективной памяти как инструмента ее формирования и поддержания: «Все говорят о памяти, потому что памяти больше нет» [2, с. 15].

Ж.-Ш. Шурек, однако, убежден, что востребованность темпоральной проблематики детерминирована «разрывом с традиционными типами сообщения о прошлом. Семейная и локальная связь, в рамках которой прошлое передавалось устно представителями поколений-свидетелей, живших под одной крышей, сменилась его сокращенной передачей, в которой преобладали как приобретенные знания, так и различные области производства памяти, поскольку речь идет именно о производстве» [3, с. 16].

Так или иначе, в современном поле гуманитарных исследований фреймы прошлого и актуальности связаны чрезвычайно прочно, а мысль о том, что восприятие современности во многом детерминировано ретроспективной саморефлексией считается практически аксиоматичной.

Осмысление восприятия прошлого в европейской культуре XVII в. востребовано еще и в связи с тем, что именно в этом историческом периоде многие исследователи находят метафорические параллели с

современной культурой. Так, по мнению Х.Р. Де Вентоса, актуальность можно смело интерпретировать как эпоху необарокко, которая отличается отсутствием авторитетного теоретического обоснования, склонностью не к целостному, а дробному и фрагментированному восприятию, к пантеизму и динамике, к многополярности и фрагментации [4, с. 179] – всему тому, что Э. Д'Орс назвал типичными чертами барочного мировоззрения [5, с. 101]. Именно в идеологии «трагического гуманизма» XVII в. Ж. Бодрийяр видел источник современного симулятивного сознания, Г. Дебор – общества спектакля, Ж. Баландье – театрократии.

Образ прошлого, формируемый в эпоху Нового времени, в целом может быть назван противоречивым. И если его противоречивость, рожденная еще социальной дифференциацией средневекового общества, была несколько нивелирована, то разнообразие позиций в рамках одной социальной группы (условно говоря, интеллектуальный образ прошлого) возрастало с каждым новым витком истории. Кроме того, XVII в. был наполнен большим количеством поворотных, революционных в прямом и переносном смысле событий, каждое из которых вносило существенные коррективы в отношении к минувшим эпохам. Новое время было эпохой динамичной, совпадавшей с парадигмальными сдвигами, которые неизбежно влекли за собой и сдвиги в восприятии различных модусов времени. Это значительно осложняет конструирование монолитного (хотя бы относительно) во времени и пространстве образа прошлого. Более того, такую задачу можно назвать практически неразрешимой. «Каким образом, – писал П. Шоню, историк “Школы Анналов”, крупнейший исследователь культуры эпохи Просвещения, – заключить в систему глобального объяснения, которую мы отваживаемся назвать “метаструктурой”, судьбу 500 млн человек, принадлежащих множеству разных культурных миров, наверное, сотне не сводимых друг к другу хронотопов, 500 млн человек, из которых, надо признать, только элиты по-настоящему обладают общностью истории» [6, с. 22]. Мнение историка подтверждается и практически полным отсутствием исследований, касающихся решения обозначенной задачи. Поэтому реконструкция образа прошлого, характерного для европейской культуры начала Нового времени, может быть осуществлена лишь в общих чертах, с обозначением наиболее существенных тенденций.

XVII в. для истории Европы стал эпохой, с одной стороны, переходной от Средневековья к Новому времени, а с другой – временем раскола некогда относительно монолитной карты Европы сразу по нескольким векторам (политическому, экономическому, социальному, религиозному и художественному), в основании которых лежало восприятие новаций (прогресса, обновления и пр.) как новой стратегии развития общества. Европа оказалась разделенной на два лагеря, один из которых (Англия, Голландия) пошел по пути системного обновления (усиление влияния буржуазии как доминирующей социальной группы, ограничение королевской власти, развитие капиталистических отношений, принятие протестантизма и пр.), другой (Италия, Испания, отчасти Франция) всеми силами стремился к консервации наличествующего порядка.

Линия раскола неизбежно прошла и по мировоззренческим установкам европейской культуры, оказав влияние на формирование различных образов прошлого.

В тех европейских странах, где были сильны протестантские религиозные взгляды (Англия и Голландия, прежде всего), где национальные церкви одержали верх над Римской католической церковью, где доминирующей социальной силой стала буржуазия, а экономической основой – капитализм, прошлое вновь обрело статус «золотого века», становясь главным модусом времени: с одной стороны, источником построения новой национальной идентичности, с другой – прочной основой, проверенным временем кладезем истин. Идея Страшного суда, которая аксиологизировала будущее в средневековой теологии, «отходит на задний план, и второе пришествие начинает связываться с установлением господства на всей земле истинно христианского общества» [7, с. 32]. Кальвинизм, например, в качестве идеала рассматривал далекое прошлое, совпадающее со временем существования раннехристианских общин, а события последних веков интерпретировал как время «папского безумия». Интересно восприятие прошлого, отраженное в трудах английских, шотландских и ирландских антиквариев. Для них также первые века христианской истории выступали сакральным, священным периодом, «чистым и совершенным образцом истории народа, в котором государство и общество развиваются в лоне не искаженной внешними посредниками апостольской христианской традиции... где собственная традиция проти-

востояла иноземному учению, привнесенному позднее последователями епископа города Рима» [8, с. 230]. Римская церковь (Ватикан) признавалась «зловещим детищем империи» (имеется в виду римской), призванным уничтожить национальное своеобразие Англии, Шотландии и Ирландии.

При этом шотландские и ирландские антиквариисты современность воспринимали как время начала восстановления утраченной гармонии, а их английские коллеги настоящему отводили роль источника дальнейшего упорядочивания доставшихся от прошлого институтов. Таким образом, в отличие от архаического понимания развития, выстраиваемого от будущего через обесцененное настоящее к «золотому», сакральному прошлому, антиквариисты с Британских островов придавали ему иной вектор движения: от прошлого, служащего истоком и основанием всего существующего, моделью национальной идентичности через настоящее, призванное усовершенствовать доставшееся наследие, к будущему. В итоге прошлое для них было своеобразным зеркалом, «к которому следует обращаться, чтобы распознать в вихре противостояний и компромиссов дня сегодняшнего неизменно повторяющуюся схему развития событий» [8, с. 244].

Аналогичный пиетет к прошлому демонстрировали и английские университеты, почитавшие античных мыслителей как непререкаемых авторитетов, и английские писатели, например У. Темпл и Дж. Свифт. Последний в работе «Битва книг» сравнивает современность с пауком, который приобрел некоторые знания и умения в науках и искусстве, но отказывается признавать за собой ответственность за созданное и потому испускает изнутри себя ядовитую паутину. Древних же Дж. Свифт отождествляет с пчелами, несущими человечеству «сладость и свет» [9, с. 228].

В сфере художественной культуры, в частности в эстетической концепции стиля классицизма, также провозглашалось величие прошлого, главным образом античного. Теоретик стиля Н. Буало признавал, что именно Античности нет и не может быть равных в эпосе, ораторском искусстве, элегии и сатире. Архитекторы классицизма за эталон приняли греческую ордерную систему, а крупнейший живописец французского классицизма Н. Пуссен воспроизводил в своих картинах римские руины, одевал героев своих произведений в античные одеж-

ды, а апостолы в его «Тайной вечере» возлежали в древнеримском триклинии (пиршественный зал).

В европейских странах с мощными реакционными социально-политическими и религиозными силами (Италия, Испания, Германия) отношение к прошлому было достаточно сложным и неоднозначным, как и господствующая там мировоззренческая система барокко.

С одной стороны, барокко было неразрывно связано с прошлым и устремлено, скорее, в минувшее, чем в настоящее и будущее. Консервативные круги «барочных» стран стремились хотя бы на время отсрочить любые изменения, а в идеале даже повернуть историю вспять. Ярким примером в этом смысле выступало движение Контрреформации, направленное силами иезуитов и выразительным инструментарием стиля барокко вернуть былое величие католической церкви. Кроме того, зародившись в Италии, барокко еще испытывало на себе мощное влияние художественного наследия, главным образом, эпохи Ренессанса, а через него и Средних веков, и Античности, а потому культивировало уважительное отношение к прошлому. Иллюстрируя эту мысль на примере барочной поэзии, Ю. Виппер пишет: «К Возрождению восходят во многом и господствующая структура лирических и эпических жанров, и продолжающееся усиленное обращение к античной мифологии как к кладезю сюжетов и образов, и воздействие канонов петраркизма в любовной лирике, и влияние, какое оказывают на развертывание поэтической мысли законы риторики. Барочные писатели к тому же широко используют восходящие к средневековой культуре символы, эмблемы и аллегории, воплощают свои умонастроения с помощью традиционных библейских образов, вдохновляются зачастую идеалами, почерпнутыми из рыцарских романов» [10, с. 83].

С другой стороны, образ прошлого, сложившейся в Италии, Испании и Германии и отраженный в искусстве барокко, не был наполнен чувствами пиетета, благодарности и восхищения, как в Англии, не ассоциировался с метафорами «золотого века», фундамента последующих преобразований, как в Шотландии или Ирландии. Обращение к прошлому осуществлялось, скорее, по инерции, чем в рамках какой-либо сознательной идеологической или эстетической программы: «Насколько далеко барокко отстоит от привязанности гуманизма к образцам прошлого. Нет холодного расчета, классической ясности

форм, их очертания расплылись, стали размытыми, раздробились, переплелись» [11, с. 318].

М. Барг назвал барокко стилем «мышления и поведения людей “растерявшейся эпохи”, разуверившейся во всем унаследованном и вместе с тем еще не нашедшей почвы для нового символа веры» [11, с. 317]. Разочарование в идеалах Возрождения, настроения «трагического гуманизма» вносили в барочное мировоззрение черты драматического и даже трагичного переживания взаимосвязи человека и общества, человеческой свободы, судьбы и внешних законов природного и социального развития, прошлого и настоящего.

Иррационалистическая основа мировоззрения барокко, его мрачное восприятие настоящего в противовес ренессансному упоению актуальностью были реакцией не только на кризисные явления и общественные катаклизмы XVII в., но и на то, что Д. Лоуэнталь назвал «нарождающимся во Франции и Англии духом науки» [12, с. 211]. Развитие науки и порожденные им прогрессивистские настроения изменили во многом восприятие прошлого: эмпирические наблюдения продемонстрировали превосходство над умозрительным познанием античных философов, географические открытия – невежество древних путешественников и географов. Один из английских ученых, Н. Биггз, считавший прошлое тормозом прогресса, писал: «Излишне большое почтение к Древности – это ошибка, в исключительной степени губительная для развития науки...» [цит. по: 12, с. 161]. Ф. Бэкон в «Новом Органоне» обвинял древних ученых в поспешности делаемых ими выводов, «ибо открытие новых вещей должно искать от света природы, а не от мглы древности» [13, с. 72]. Греки, по его словам, писали басни и небылицы, а не исторические труды.

И хотя тот же Ф. Бэкон осознавал важность накопленного предшественниками опыта и призывал не превозносить современность, равно как и не отказываться от достижений прошлого, тем не менее, борьба против традиции (в самом широком смысле этого слова) в XVII в. только набирала силу.

Одним из выразителей этой борьбы с «теньями» прошлого был Э. Кларендон, английский государственный деятель, автор первого труда об истории Английской революции 1640–1653 гг.: «Оборачиваясь назад и предписывая самим себе правила, почерпнутые из древности, мы затормаживаем и сокращаем наше влечение даже к тому,

чего легко было бы достичь... Нет...большого препятствия на пути разыскивания истины или совершенствования знания, нежели излишнее восхищение теми, кто прошел этим путем прежде, подобно тому, как овцы ступают след в след за идущими впереди» [14, с. 163]. Интересно, что эту мысль он адресовал английским университетам, которые ввели практику взимания пени со студентов, не цитирующих дословно в своих устных и письменных выступлениях Аристотеля.

В этой связи не удивительной является и позиция Р. Декарта, критиковавшего инструменты познания прошлого, которые способны сформировать лишь неопределенные картины истории, не проверяемые опытным путем: «Я полагал, что отдал уже достаточно времени языкам, а также и чтению книг древних с их историями и небылицами. Беседовать с писателями других веков – почти то же, что путешествовать... Но тот, кто слишком много времени тратит на путешествия, становится в конце концов чужим в своей стране, а слишком большая любознательность по отношению к событиям прошлых веков обыкновенно порождает весьма большую неосведомленность в делах своего века. Кроме того, вымыслы вселяют веру в возможность таких событий, которые совсем невозможны...» [цит. по: 11, с. 318].

Р. Коллингвуд свел все аргументы Р. Декарта против истории к четырем основным: во-первых, историк живет вне своего времени, путешествуя по другим темпоральным мирам; во-вторых, исторические повествования не могут считаться достоверным источником знания о прошлой реальности в силу их неverifiedируемости; в-третьих, на основании предыдущего аргумента их можно назвать бесполезными; в-четвертых, история, будучи сферой игры писательского воображения, при любых обстоятельствах искажает, «приглаживает» прошлое [15, с. 59]. По мнению М. Барга, Р. Декарт критиковал историю не как таковое совокупное знание о прошлом, а ее состояние и используемые ею методы (схоластичные) на момент высказывания этой критики [11, с. 322].

Действительно, традиция историописания XVII в. не отвечала требованиям, которые стали предъявлять к науке, – рациональности, верифицированности и доказательности знания. Она была исключительно повествовательной, морализаторской, компилятивной, некритичной, дискретной, не вписывающейся в сложившийся гносеологический контекст «смены исторических эпох, когда старое на глазах рушилось, а новое пугало неизвестностью...начавшейся научной рево-

люции, перечеркнувшей старые представления о мироздании и унаследованные познавательные методы...» [11, с. 321].

Свой вклад в «дискредитацию» прошлого внесло и книгопечатание. Во-первых, оно предоставило возможность сравнивать труды древних авторов, различные варианты которых нередко содержали ошибки, допущенные при их рукописном копировании, не совпадали друг с другом, а потому бросали тень на «непогрешимость» самого автора. «Раскрытие несметного числа подделок и транскрипционных ошибок, – писал Д. Лоуэнталь, – углубило недоверие к свершениям прошлого, превозносимым рукописными текстами» [12, с. 159]. Во-вторых, современник, обладавший доступом к древним текстам и возможностью учитывать все имеющееся наследие, опыт ошибок и заблуждений, чувствовал на этом основании свое превосходство над своими предшественниками: «Мы в долгу перед древними за то, что они исчерпали практически все ложные теории, какие только могли быть» [16, с. 165].

Таким образом, можно говорить о более чем противоречивом и разрозненном образе прошлого начала Нового времени. С одной стороны, в протестантской идеологии и даже отчасти в католической, в трудах британских писателей и антиквариетов, в деятельности крупнейших европейских университетов прошлое обозначалось в качестве незыблемого авторитета, источника вечных истин, недостижимых свершений и основы национальной идентичности. С другой стороны, с точки зрения развивающейся системы рационального научного знания прошлое рассматривалось как препятствие на пути прогресса, как собрание непроверенных, а порой откровенно лживых данных, которые лишь в силу традиции воспринимаются истинными и непреложными.

Противоречие это не было преодолено полностью, но было несколько нивелировано достижением относительного консенсуса между настоящим и прошлым, в основе которого лежала идея превосходства: первого в сфере науки, а второго – в сфере искусства: «Такова природа науки, что современники должны одержать верх над древними, и такова природа искусств, что они должны им уступить» [12, с. 165]. К слову сказать, в художественной сфере выразителем такого баланса прошлого и настоящего стала вневременная линия, которая, с одной стороны, обращалась к проверенным временем высоким жанрам, востребованным и классицизмом, и барокко (религиозный, ми-

фологический, исторический, парадный портрет), а с другой стороны, осуществляла их «снижение», привнося в живопись интерес к новым веяниям эпохи (производство предметов быта, витражей, тканей) и к реальности как таковой, свободной от груза античного и ренессансного наследия.

Список литературы

1. Люббе Г. В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем // *Вопр. философии*. – 1994. – № 4. – С. 94–107.
2. Нора П. Франция-память. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 333 с.
3. Шурек Ж.-Ш. Память и тоталитаризм: французские дебаты // *Неприкосновенный запас*. – 2002. – № 2 (22). – С. 14–27.
4. Ильин И. И. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. – М.: Интрада, 1998. – 714 с.
5. Дёмин Р.Н. Философ как «метафизик обыденного» (традиция философствования в античности и концепция «внесения метафизики» в «хронику жизни» испанского мыслителя д'Орса) // IX Вишняковские чт.: Вузовская наука – образованию и промышленности: материалы междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 14–18 июня 2006. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина. – С. 101–103.
6. Шоню П. Цивилизация просвещения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. – 688 с.
7. Савельева И.М., Полетаев А.В. Феномен прошлого. – М.: ГУВШЭ, 2005. – 866 с.
8. Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Прошлое крупным планом: темпоральные измерения в антикварном дискурсе // *Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад* / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Кругъ, 2010. – С. 226–245.
9. Свифт Дж. Полная и правдивая повесть о разразившейся в прошлую пятницу битве древних и новых книг в Сент-Джеймской библиотеке. – Л.: Худож. лит., 1987. – 494 с.
10. Виппер Ю.Б. О западноевропейских литературах XVI – первой половины XIX века. – М.: Худож. лит., 1990. – 552 с.
11. Барг М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма. – М.: Мысль, 1987. – 348 с.
12. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. – СПб.: Владимир Даль, Русский Остров, 2004. – 624 с.
13. Бэкон Ф. Сочинения. – М.: Мысль, 1972. – Т. 2. – 582 с.
14. Сильюнас В. Кларедон и Английская революция: от факта к факту. – СПб.: Вектор, 2000. – 488 с.
15. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. – М.: Наука, 1980. – 485 с.
16. Фонтенель Б. Рассуждения о религии, природе и разуме. – М.: Мысль, 1979. – 305 с.

Reference

1. *Lyubbe G. V nogu so vremenem. O sokrashchenii nashego prebyvaniya v nastoyashchem* [Keeping pace with the times. On shortening our stay in the present]. – Questions of Philosophy. – 1994. – No 4. – Pp. 94–107.
2. *Nora P. Franciya-pamyat'* [France-memory]. – St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1999.

3. *SHurek ZH.-SH. Pamyat' i totalitarizm: francuzskie debaty* [Memory and Totalitarianism: The French Debate] – Emergency Reserve. 2002. – Vol. 2 (22). – Pp. 14–27.
4. *Il'in I.I. Postmodernizm ot istokov do konca stoletiya: evolyuciya nauchnogo mifa* [Postmodernism from the Origins to the End of the Century: Evolution of Scientific Myth]. – Moscow: Intrada, 1998.
5. Dyomin R.N. Filosof kak «metafizik obydenogo» (tradiciya filosofstvovaniya v antichnosti i koncepciya «vneseniya metafiziki» v «hroniku zhizni» ispanskogo myslitel'ya d'Orsa) [Philosopher as a “metaphysician of the ordinary” (the tradition of philosophizing in antiquity and the concept of “introducing metaphysics” into the “chronicle of life” of the Spanish thinker D'Ors)]. *IX Vishnyakovskie chteniya. Vuzovskaya nauka – obrazovaniyu i promyshlennosti* [X Vishnyakov readings. University science – education and industry]. Proceedings of the International Conference. St. Petersburg, June 14–18, 2006. – St. Petersburg: LGU, 2006. Pp. 101–103.
6. *SHonyu P. Civilizaciya prosveshcheniya* [Shonyu P. Civilization of education]. – Yekaterinburg: U-Factoria, 2008.
7. *Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Fenomen proshlogo* [Phenomenon of the past]. – Moscow: GUVSHE, 2005.
8. *Palamarchuk A.A., Fedorov S.E. Proshloe krupnym planom: temporal'nye izmeneniya v antikvarnom diskurse* [Temporal dimensions in antique discourse]. *Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya: Rossiya – Vostok – Zapad* [Time images and historical representations: Russia – East – West]. – Moscow: Krug, 2010. – Pp. 226–245.
9. *Sviift Dzh. Polnaya i pravdivaya povest' o razrazivshejsya v proshluyu pyatnicu bitve drevnih i novyh knig v Sent-Dzhejmskoj biblioteke* [The Complete and True Tale of Last Friday's Battle of Ancient and New Books in St. James's Library]. – Leningrad: Hudozhestvennaya literature, 1987.
10. *Vipper YU.B. O zapadnoevropejskih literaturah XVI – pervoj poloviny XIX veka* [About Western European Literatures of the 16th – first half of the 19th century]. – Moscow: Hudozhestvennaya literature, 1990.
11. *Barg M.A. Epohi i idei: Stanovlenie istorizma* [Epochs and Ideas: The Formation of Historicism]. – Moscow: Mysl', 1987.
12. *Louental' D. Proshloe – chuzhaya strana* [The past is a foreign country]. – St. Petersburg: Vladimir Dal', Russkij Ostrov, 2000.
13. *Bekon F. Sochineniya* [Works]. – Moscow: Mysl', 1972.
14. *Silyunas V. Klaredon i Anglijskaya revolyuciya: ot fakta k faktu* [Claredon and the English Revolution: from fact to fact]. – St. Petersburg: Vektor, 2000.
15. *Kollingvud R.Dzh. Ideya istorii. Avtobiografiya* [The Idea of History. Autobiography]. – Moscow: Nauka, 1980.
16. *Fontenel' B. Rassuzhdeniya o religii, prirode i razume* [Discourses on Religion, Nature and Reason]. – Moscow: Mysl', 1979.